

ХУДОЖНИК РАДОСТИ

(Памяти Б. М. Кустодиева)

Уже не раз отмечался этот печальный «закон»: мы начинаем интересоваться людьми искусства лишь тогда, когда они... умирают.

Но в еще большей степени, нежели к писателям, это относится к художникам. А, между тем, какое редкое и бодрящее зрелище: художник, в течение 11 лет прикованный парализмом к креслу, и, в то же время, чуждый всякого улагодичества и «внутреннего» эмигранства, художник-во-

временности. И как «определить» этого художника, который умел делать реальнейшие портреты царских министров (Заседание Государственного Совета) и их же клеймить политическими шаржами («Жупел» и «Адека почта»), который был изобразителем русской деревни, затем провинции и купечества, и, наконец, революционно-го Ленинграда.

Он был учеником Репина, но не был натуралистом, как его учитель. Он

ную радость в прежние годы. Конечно, не в унылой, дименной декоративности и публичности жизни наших столиц. Выходец из русской «демократии», из мелко-буржуазной купеческой и духовной среды, уроженец Поволжья, он был навсегда влюблен в народную пестроту и узорность, в «кустарную» Русь ярмарок и базаров.

В отличие от передвижников он не «оплакивал» деревни, но любовался этой ничем не сокрушимой стихией праздничности, которая в ней пребывала. В отличие от ретроспективистов «Мира Искусства», его влекло не к поэтизации аристократического прошлого, не к изнеженно-чахлой «дворянской красоте», но к живому быту провинции, к «увековечению» сочного и колоритного русского купечества. Этот купеческий цикл — исторический памятник нашей буржуазии. И здесь же, среди провинциальной целины, искал Кустодиев свой «идеальный» тип телесно здоровой и пышной русской «Красавицы», «Русской Венеры»...

Но, Кустодиев умел не идеализировать этот патриархальный, узорно-красочный купеческий быт; во всех этих «Чаепитиях» и «Купчихах», во всем этом грузном ничегонеделании не мало едкой усмешки художника.

Его декорации к «Прозе» Островского, к «Смерти Пазухина» показали, что художник умел видеть всю жуткую косность этой «толстовадой» святой Руси (А. Блок)...

Революция должна была открыть перед Кустодиевым широчайшее поле работы.

Конечно, по самому психическому и социальному складу своей природы — художник едва ли мог сделаться отборзителем активной, воинствующей стороны Октября. На пути к этому залегла и самая болезнь художника — он мог наблюдать великую эпоху лишь из окна своей мастерской. Характерно впрочем, что Кустодиев все же принес дань быту революции — таковы его образы матросов с девицами, блоковскими «Катьками», которые «раньше с юнкерем гулять ходили, с солдатом теперь пошли». Не совсем удачен и Кустодиевский «Большевик», шагающий через дома и церкви, как некая грубо-стихийная сила. Не здесь, не в этом жанре тот главный вклад, который Кустодиев мог внести в советское искусство. Пусть другие изображали будни революции, ее гримасы, страдания и подвиги — Кустодиев предназначен был выявить ее радости.

Как раз то, за что не брались другие.

Недаром комиссия СНК по художественному увековечению 10-летия Октября именно так — совершенно правильно и формулировала данный Кустодиеву и — увы, оставшийся невыполненным заказ: написать триптих на тему «Радость труда и отдыха».

И действительно, если Кустодиев не был бытописцем Октября, то он мог стать и отчасти стал выразителем той торжественной, праздничной стихии, которую революция вывела из городских масс из под вековой их спячки.

Та самая декоративность и пестрота, которую художник раньше находил лишь в деревенских праздниках и провинциальных масленицах, впервые вынесена была теперь на революционную улицу. Это ликование толпы художник отобразил уже в своей картине «27 фев. 1917 года»; в «Ночном празднике на Неве по случаю 2-го конгресса Коминтерна» оно вылилось в торжественную феерическую форму. Наконец, в незаконченной картине «27 янв. 1924 г.» (похороны вождя) Кустодиев сумел придать этой излюбленной своей декоративности и величавый драматический пафос.

В качестве интересных монументальных опытов Кустодиева следует отметить и его панно для декорации площади мира, славящие различные виды труда («Столяр», «Пекарь», «Сапожник» и др.). Наконец, именно Кустодиев сумел в своих детских книжках-лубках приблизить образ Ленина к пониманию детей («Детям о Ленине», «Ленин и юные ленинцы» и др.).

Собрать все это кустодиевское наследие воедино — задача нашей общественности; что же касается нашей государственности, то она в лице упомянутой уже комиссии при СНК уже постановила приобрести для музеев ряд вещей этого столь безвременно покинувшего нас большого художника, имя которого должно остаться в сознании самых широких масс.

Я. ТУГЕНДХОЛЬД

«Зимой». Рис. Кустодиева.

«Степан Разин» с карт. Кустодиева.

плотитель радостного, почти праздничного притяжения жизни.

Таков был Б. М. Кустодиев.

Что только не выходило из четырех стен его скромной комнаты одновременно мастерской и мест «залочения»: — портреты, жанровые картины, театральные проекты, плакаты, книжные иллюстрации, обложки, обертки для мыла, профсоюзные значки.

Целый рог изобилия расточительнейшей трудоспособности и неустанного созвучия со всеми зовами со-

был бытописцем (недаром он пользовался широкой известностью за границей, как «национальнейший» художник России) — но не был «бытовиком», серым и пресным. Он умел обобщать, находить синтез быта — и в этом большой урок его живописи для нашего молодого поколения, все еще не умеющего подниматься над фотографическими бытовыми зарисовками.

Художник радости — вот, пожалуй, самое характерное для Кустодиева. Но где мог он отыскать эту зрелищ-